

СЕРГЕЙ МАЙДУКОВ

СЛЕПАЯ ЯРОСТЬ

РОМАН

ХАРЬКОВ КЛУБ
СЕМЕЙНОГО
2016 ДОСУГА

УДК 821.161.1(477)
ББК 84(4Укр=Рос)
М14

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Дизайнер обложки *IvanovITCH*

- © Майдуков С. Г., 2016
- © Shutterstock. com / Andrei Park, обложка, 2016
- © DepositPhotos. com / Vadymvdrobot, обложка, 2016
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2016
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2016
- © ООО «Книжный клуб «Клуб семейного досуга»», г. Белгород, 2016

ISBN 978-617-12-2019-5 (PDF)

Жизнью движет ярость, подумал он... Ярость — сексуальная, скрытая в политике, в магии, в звериной жестокости — заставляет нас достигать заоблачных высот или опускаться на невообразимые глубины... Танцуя танец ярости, Шива разрушает, но одновременно и творит мир.

Салман Рушди. Ярость¹

¹ Перевод А. Челноковой. (Здесь и далее примеч. ред.)

ГЛАВА 1

ИЗ ЖАРА В ХОЛОД

Автоматные очереди крошили листья и сочные стебли в зеленый салат, осыпаящийся на землю. Она была влажной и вонючей, как черная жижа, которую откачивают из забившегося водопровода. Здешние джунгли представляли собой сплошные мангровые болота — вязкая грязь, непроходимые заросли кустарниковых пальм и переплетения древесных корней, хватающих за ноги, словно щупальца спрутов. Проведя здесь несколько дней, вы начинали подозревать, что находитесь в пекле, причем не в качестве грешников, которых помучают и отпускают, а в качестве вечных обитателей ада, которым суждено остаться здесь навсегда.

Жизнь тут была чертовски трудной. Смерть, как правило, тоже.

Новая очередь прошла так близко, что Лунев и Джамбо синхронно уронили головы во взбаламученную воду. Их обстреливали с двух армейских джипов и не жалели патронов, хотя в заросли соваться не рисковали, опасаясь напороться на ответный огонь. Очень правильно опасались: Лунев и Джамбо пробрались в заболоченные джунгли не на рыбалку и не для ловли местных крабов. Они тоже были вооружены. И стреляли куда лучше той деревенщины, что даром переводила боеприпасы, отсиживаясь в своих вездеходах.

Бывший майор ВДВ Андрей Лунев числился военным инструктором повстанцев, провозгласивших себя «Демократической армией освобождения». Почти все они, как и Джамбо,

принадлежали к племени хату, которое испытывало острую неприязнь к мянгам. Что они, одинаково черные, как болотные бакланы, не поделили между собой, Лунев в точности не знал. Неинтересно это ему было. Он в Африке работал. Воевал. Получал за это неплохие деньги. Половину проматывал в городских кабаках и борделях, примерно треть тратил на жратву, пойло и снаряжение, остальное отправлял домой, матери. Сколько он ее не видел? Три года? Четыре?

Высунув голову из воды, Лунев прислушался. Стрельба стихла. Скорее всего, это означало, что патруль, посчитав свою миссию законченной, покатил дальше по просеке, объявленной линией разграничения. Дяденьки и тетеньки из ООН призывали братские народы хату и мянгов прекратить огонь и сесть за стол переговоров. Те соглашались, брали гуманитарные подачки и продолжали воевать, потому что это было куда увлекательнее, а главное, прибыльнее, чем возделывать землю или собирать бананы.

— Ушли, — сказал Джамбо, скаля свои здоровенные белые зубы с налипшей на них тиной.

Его мокрая физиономия сверкала, как ботинок, намазанный буйволовым жиром. Впрочем, сухая она тоже была блестящей. Улыбчивые африканские аборигены при жизни прямо-таки сияли. Убитые, они становились какими-то тусклыми и пепельно-серыми. Джамбо был пока что очень черным и очень блестящим.

— Повезло, — сказал он по-английски. — Мы счастливые люди.

Джамбо — это вообще-то не имя, а прозвище, точно такое же, как Лунь. Имена тут были не в ходу. Надгробия и эпитафии тоже. Мертвецов закапывали в неглубоких ямах, вместе и по отдельности. Лунев не стал оставлять залог, чтобы его тело, в случае неблагоприятного исхода, отправили самолетом на родину. Маме такой подарок ни к чему. Пусть лучше считает, что он совсем забыл ее и живет где-то своей жизнью.

Как всегда, при мысли о матери, находящейся в тысячах километров от заболоченных африканских джунглей, перехватило горло и потянуло курить. Лунев бросил взгляд на Джамбо, решая, не попросить ли у того сигаретку из заветного непромокаемого мешочка, и замер. Напарник находился гораздо ближе, чем во время обстрела, и продолжал придвигаться, стараясь издавать как можно меньше плеска. Его глаза были глазами убийцы. В правой руке он держал десантный нож с зазубринами на обратной стороне клинка.

Обиды не было. Страха тоже. Даже удивления или разочарования Лунев не испытал. Он сразу все понял. Деньги. Уходя в разведку, он взял с собой гонорар за минувшие полмесяца. Три тысячи американских долларов, свернутых в трубочку, бережно замотанных в целлофан и спрятанных в нагрудный карман справа. Если бы можно было забрать их, не убивая Лунева, Джамбо так и поступил бы. Но он не видел иного способа, кроме как прикончить инструктора и свалить его гибель на мьянгов. Стрельбу все слышали. Погибший Лунев остался где-то в джунглях. Ищите, если хотите. Хотя кому это понадобится? И останется он гнить в болотах, постепенно превращаясь в вонючую черную жижу.

Примерно так думал Джамбо, готовясь полоснуть Лунева по горлу или всадить ему нож между ребрами грудной клетки (слева, а не справа, чтобы, не приведи господь, не повредить заветный рулончик). Это были его последние мысли. Не видимый под водой клинок Лунева вонзился ему в самый низ живота и рванулся вверх, выпуская зловонные кишки в такую же зловонную жижу, поверх которой словно плеснули красной краской.

Завершив молниеносное движение, Лунев отступил — и как раз вовремя, потому что, схватившись левой рукой за рану, Джамбо попытался правой завершить начатое.

Тщетно. Нож рассек лишь покрасневшую болотную воду, не причинив вреда ни ей, ни Луневу.

— Дурак, — сказал тот Джамбо. — Запомни, мой нож сам из рукава выпрыгивает. Хотя не надо, не запоминай. Теперь тебе все равно.

И в самом деле: напарник опрокинулся навзничь, взметнув целые фонтаны брызг. Несколько секунд на поверхности виднелось его посеревшее лицо с огромными, как теннисные шарики, глазами, а потом утонуло, оставив после себя бурлящие пузыри.

Еще до того, как они сошли на нет, Лунев повернулся к ним спиной и направился на запад. Жалел он только об одном: не успел стрельнуть у напарника сигарету. Впрочем, курить надо бросать. Вредная привычка. Опасная для жизни. Не такая, как пули, но все ж таки...

* * *

Вечером того же дня Лунев сидел в палатке поляков, с которыми вел нескончаемую игру в преферанс. Зарабатывали они достаточно, чтобы позволить себе электрогенератор, а значит, и холодильник, в котором не переводились запасы пива и другого спиртного. Поскольку Лунев постоянно проигрывал, здесь ему наливали бесплатно и щедро. Сегодня он остановил выбор на джине. Горчинки захотелось. Была ему горчинка!

В самый разгар партии, когда носатый Северин объявил мизер и откинулся на спинку своего матерчатого креслица, в кармане Лунева что-то булькнуло. Он не сразу сообразил, что это был сигнал, оповестивший о получении СМС. В Африке он телефоном практически не пользовался и вспоминал о его существовании лишь при необходимости выяснить, который час.

— Сейчас поймал, будешь знать, — забормотал Кшиштоф, весь состоящий из шипящих, как его имя. — Лунь, открывайся.

— Минутку. — Лунев со второй попытки попал рукой в карман, заключив, что успел прилично набраться, о чем тут

же забыл. — Шубская? — Хлопая глазами, он уставился на светящийся дисплей мобильного. — Кто такая Шубская? А, моя соседка, Клара Карповна... И что ей надо?

— Ты будешь играть или нет? — занервничал Кшиштоф.

— Налей ему, — посоветовал довольный собой Северин.

Лунев взял стакан и поставил на стол, чтобы не раздавить судорожно стиснувшимися пальцами. «СРОЧНО ПРИЕЗЖАЙ, АНДРЕЙ, — гласило послание. — МАМА ПРИ СМЕРТИ».

Чья мама? Лунев поискал рукой стакан, опять взял, опять оставил в покое. Речь шла не о маме соседки с верхнего этажа. О его собственной.

«При смерти», — подумал Лунев и встал. Палатка поляков выглядела непривычно маленькой, грудастые девки на плакатах вызывали не больше эмоций, чем манекены, разбросанные на песке.

— Ты что? — спросил Кшиштоф. — Хотя бы мизер закончим.

Лунев быстро склонился над ним, поднял, встряхнул, бережно опустил обратно.

— Мать заболела, — сказал он. — У тебя есть мать?

— Нет. — Кшиштоф помотал головой и залпом выпил луневский джин. — Умерла. Три года назад. Иди, Лунь. Черт с ним, с мизером.

— Эй, так не пойдет! — возмутился Северин, вставая.

Его нос торчал так вызывающе, что Лунев поспешил вернуться и покинуть палатку. Утром он стоял перед командиром навытяжку и слушал все, что тот пожелал сказать по поводу досрочно разрываемого контракта.

— Все премии и бонусы бабуину под хвост, — закончил командир прочувствованную речь. — Это ты хоть понимаешь?

— Это понимаю, — подтвердил Лунев, после чего признался: — А больше ничего.

— Домой звонил? — сменил тон командир, суровое лицо которого внезапно оплыло, как обмякшая в тепле свеча.

— Не отвечает мать. В больнице, наверное. — Лунев поднес ко рту кулак, чтобы откашляться и избавиться от сипения в голосе. — В реанимации.

— Так чего ты тут стоишь? — рявкнул командир. — Бери мою машину — и в аэропорт, живо. Контракт разрываем, но новый я с тобой всегда готов заключить. Куда обращаться, помнишь?

Лунев кивнул.

— Ну так иди, иди!

Он пошел, потом побежал. В голове было пусто. Там, в пустоте, то и дело высвечивались страшные, полные безысходности слова: «Мама при смерти... Мама при смерти... Мама при смерти...»

* * *

Внизу расстилалась темная равнина облаков, на краю которой догорал огонь заката. Самолет шел на посадку. Вечерняя мгла за бортом была густой и вязкой, словно фиолетовая гуашь. Поскрипывая при падении в воздушные ямы, «Боинг» стремительно терял высоту. Звуковой сигнал напомнил пассажирам, чтобы они пристегнули ремни. Проворно проскользнув между рядами кресел, бросая дежурные улыбки по сторонам, стюардессы скрылись за задернутыми шторами.

Лунев напряженно смотрел в темноту за иллюминатором, прислонившись плечом к прохладной стенке. Он наблюдал за мерным покачиванием крыла самолета с красными огоньками по краю. Ему вспомнилось, как когда-то в детстве он волновался: не могут ли крылья отвалиться из-за того, что ненадежно приделаны? Теперь он знал, что если бы они не тряслись, то отвалились бы еще при взлете. Также теперь ему было известно, что у некоторых моделей «Боингов» крылья могут отклоняться больше, чем на семь метров.

Но сегодня Луневу было не до конструкции самолета. Не волновала его и статистика авиакатастроф, потому что он давно забыл, что такое страх смерти. Да и вообще, единственное, о чем он мог сейчас думать, так это о предстоящей встрече с матерью. После долгого перерыва очень сложно возобновить общение даже с самым близким человеком. Мысли о том, что мать находится в слишком тяжелом состоянии и разговор может вовсе не состояться, Лунев гнал от себя, как будто они были способны навредить маме.

Наконец крохотные городские огоньки, приближаясь, стали стремительно увеличиваться. Уже можно было различить дороги, фонари и посадочную полосу. Сверху зимний город был похож на черно-белое фото. Снег покрывал все, кроме автомобильных трасс, остававшихся черными и блестящими. Даже с высоты птичьего полета Лунев ощущал холод, исходивший от города, как будто тот совсем был не рад возвращению блудного сына.

Толчок от соприкосновения шасси с бетоном заставил сердце Лунева взволнованно забиться в груди: ну вот он и дома! Мать, ослабевшая после болезни, наверное, отдыхает, поэтому первым делом следует позвонить Кларе Карповне. Уже скоро. Мучительно долгий перелет из далекого аэропорта Майо-Майо закончился. Осталось пройти паспортный контроль и получить багаж.

Как только Лунев оказался в аэропорту, его руки как будто сами набрали номер Клары Карповны. Она подняла трубку после второго гудка, словно ждала его звонка.

— Алло! — ответил ее усталый голос.

— Клара Карповна?

Лунев двигался вперед, автоматически следуя по аэропорту за женщиной в синем пуховике.

— Андрей? — В голосе Клары Карповны послышалась жалость.

— Да, это я. Вы мне писали, что мама больна. — Лунев встал в очередь за синим пуховиком. — Я вернулся, так что завтра буду на месте.

— Андрей, — произнесла Клара Карповна после тяжелого вздоха, — твоя мама умерла.

— Что? — Лунев уставился невидящим взглядом куда-то вдаль. — Здесь шумно, говорите, пожалуйста, громче.

— Твоя мама скончалась. Сегодня были похороны, — повторила Клара Карповна, повысив голос. — Острая ишемия сердечной мышцы.

— Вы же говорили, что она болеет! — Лунев сорвался на крик, не обращая внимания на людей, с любопытством разглядывающих его. — Как это «умерла»?

— Андрей, успокойся, — произнесла Клара Карповна твердо, но ласково. — Несколько недель назад у нее был инфаркт, но потом ее состояние стабилизировалось.

— Как это произошло? — тихо спросил Лунев и вышел из очереди, потирая ладонью покрасневшие глаза.

— Твоя мама возвращалась с прогулки, когда это случилось. Врачи говорят, она даже не успела ничего почувствовать. — Голос Клары Карповны звучал мягко, почти заставляя поверить, что смерть может быть благом. — А это, знаешь ли, большой подарок судьбы — умереть без мучений.

— Да, — прошептал Лунев, опустив руку с телефоном, откуда все еще доносился голос Клары Карповны. — Подарок...

Он сунул телефон в карман и присел на корточки, пряча лицо в ладонях. Он не замечал шума аэропорта и спешащих мимо людей. Все ушло на самый задний план. Сейчас для Лунева не существовало ничего, кроме огромной пустоты внутри и безмерного чувства вины, поглотившего его в один миг.

* * *

Когда Лунев наконец покинул аэропорт, он чувствовал себя опустошенным и усталым, как после самого трудного боя

в своей жизни. Он подошел к первому попавшемуся такси и, усевшись позади, произнес безучастным тоном:

— На железнодорожный вокзал.

В этот момент Лунев был неспособен думать о том, какую цену заломит столичный бомбила, пользуясь его состоянием. Не получалось и сосчитать, сколько денег осталось после покупки авиабилета. Все, что мог Лунев, — это смотреть в забрызганное грязью окно. Он видел снег в оранжевом свете энергосберегающих фонарей, ссутуленных пешеходов в капюшонах, неумоимо спешащих куда-то даже в столь поздний час, обледенелые стволы черных деревьев, буксующие в грязных сугробах машины, провисшие провода и темные провалы арок.

После африканских джунглей и болот весь этот пейзаж выглядел нелепо. Когда такси остановилось на светофоре, Лунев заметил одинокого черного пса, перебегающего дорогу с опущенной головой. Среди заснеженных улиц чужого города он почувствовал себя таким же лишним и ненужным, как этот бродячий пес. Лунев бросил взгляд на свои руки: темные от загара, они как-то несуразно торчали из рукавов куртки, напоминая о совсем иной жизни. Чтобы убедиться, что все происходящее не сон, он несколько раз сжал и разжал кулаки. Нет. Это был не сон. Это была явь, будь она проклята.

Временами она исчезала, сменяясь воспоминаниями, мысленными образами и просто отупляющей тоской. Временами всплывала опять, и тогда Лунев обнаруживал, что расплачивается с таксистом... глядит на табло с расписанием поездов... наклоняется к окошку железнодорожной кассы... стоит в вагоне поезда, несущего его в родной Славногорск...

Уединившись в коридоре, Лунев ждал, пока соседи по купе справятся со своими постелями. Касаясь лбом ледяного стекла, он смотрел на бесконечный черный лес, который лишь изредка сменялся какими-то неровными полями, зданиями заброшенных цехов или одинокими домишками на отшибе.

Все казалось таким унылым и безжизненным, как будто все люди на планете вымерли. Пожалуй, сейчас Луневу именно этого и хотелось. Но люди никуда не делись. И в битком набитом поезде было невозможно забыть об их существовании: проводница, заглядывая в каждое купе, весело спрашивает, принести ли чай; проголодавшиеся путники, невзирая на поздний час, шуршат свертками с провизией; откуда-то доносится храп, похожий на стоны тяжелораненого; кто-то всем жарким и потным телом наваливается на Лунева, пытаясь обойти его в узком коридоре. Нет. Люди никуда не делись, а поэтому лучше заснуть, и как можно скорее, чтобы не видеть и не слышать их всех.

Лунев зашел в свое купе и, взявшись за ручки верхних полок, собирался подтянуться, чтобы запрыгнуть наверх.

— Ничего себе! — цокнув языком, сказал попутчик с нижней полки. — Где ж ты так загореть умудрился?

Поняв, что обратились к нему, Лунев посмотрел вниз. Там сидел, закинув ногу за ногу, крупный рыхлый мужчина. В руке он сжимал жестяную банку с пивом. Вся его поза говорила о том, что ему очень скучно и он готов болтать о чем угодно и с кем угодно. Двое его спутников азартно резались в карты, издавая различные возгласы, заменяющие им человеческую речь.

Не удостоив рыхлого ответом, Лунев запрыгнул на свою полку и, повернувшись к стенке, закрыл глаза. Внизу раздавался пьяный бубнеж и ругательства. К счастью для Лунева, общий свет в поезде погас, остался только приглушенный, щадящий. Жалко, что не полный мрак. Хотелось бы Луневу остаться в темноте и тишине, чтобы без помех поговорить с матерью, спросить, как она, где она, почему не дождалась. Теперь только это ему и осталось. Он не верил в бессмертие души. А это означало, что единственное место, где мама сможет существовать еще хоть какое-то время, — это его голова. Пока он думает о ней, пока разговаривает

с ней, она будет жить. Но стоит ему замолчать, забыть, надолго отвлечься, как она умрет. Совсем. Окончательно и бесповоротно. Лунев чувствовал это, поэтому хотел говорить и говорить с мамой, чтобы не дать ей уйти — уйти навсегда, не поделившись своей болью и даже не попрощавшись.

Чья-то рука потрясла Лунева за плечо.

— Брезгуешь, значит, нашей компанией? — донесся пьяный голос снизу.

— Убери лапу, — бесстрастно ответил Лунев, даже не пошевелившись. — Или я тебе ее сломаю. Легко.

Руку убрали. В купе повисла тишина. После шепота и тихих реплик «оставь его» свет в купе погас. Было слышно, как попутчики устраиваются на своих полках. Очень скоро не стало слышно ничего, кроме стука колес и скрипа железных сочленений вагона.

Лунев, как в яму, провалился в сон. И во сне мать была все еще жива — совсем здоровая, веселая и заметно помолодевшая. Она накрывала на стол, обещая покормить дорогого сыночка чем-то вкусненьким. Пока он подбирал слова, чтобы рассказать ей, как испугался, что она умерла, мать запела их любимую детскую песенку, отбивая ритм ложками по тарелкам и чашкам. Бренчание делалось все громче и громче, пока Лунев не проснулся. За окном мелькал свет проносящегося мимо скоростного поезда. В стакане на столике внизу звякала чайная ложечка.

После этого Лунев долго лежал, уставившись в потолок. Ему хотелось снова заснуть, чтобы погрузиться в сладкий обман, но мозг не желал отключаться. Мысли, плавающие в голове, походили на холодных глубоководных рыб, никогда не видевших даже малейших проблесков света. Потом эти мрачные мыслерыбы пропали, и Лунев вдруг окончательно понял: беда непоправима. Теперь ничего невозможно изменить. Мать мертва.

Лунев сомкнул веки. Крепче, еще крепче, как можно крепче.

Он не видел маму так давно, что забыл, как выглядит ее лицо. Он забыл, как звучит ее голос. Совсем недавно подобные мелочи не казались ему слишком важными. Но теперь они разрослись до размеров огромной горы, заслоняющей собой все остальное.

Близкие всегда уходят внезапно, не оставляя нам шанса что-то исправить, загладить, договорить.

Простят ли они нас когда-нибудь потом, в обозримом или хотя бы в необозримом будущем?

ГЛАВА 2

МЕЖДУ ПРОШЛЫМ И БУДУЩИМ

Лунев возвращался с могилы матери пешком. Он надеялся, что после этого похода на кладбище ему станет легче, но чуда не случилось, камень с души не упал. Наоборот, от вида дурацких венков и ненужных цветов на глиняном холме, нелепо торчащем посреди грязного, истоптанного снега, стало еще тяжелее. Зачем он только пошел на кладбище? Кому это было нужно? Маме? Соседям? Или ему?

Луневу это точно не пошло на пользу, потому что теперь при мыслях о маме перед его глазами всегда будет появляться эта страшная картинка, от которой веяло смертельным холодом. Если бы Лунев и верил в Бога, то вид свежей могилы с пластиковыми цветами и торчащими из сугроба бутылками сделал бы из него атеиста. Потому что, если бы Бог существовал, жизнь не могла бы заканчиваться так нелепо. Все должно было бы выглядеть иначе. Теперь в груди Лунева не осталось ничего, кроме пустоты, из-за осознания бессмысленности существования.

Морщась от снежной пороши, Лунев вошел в арку своего двора. Его ноги без устали топтали расквашенный машинами снег, но двигался он не быстрее улитки. Лунев видел свой подъезд, но путь к нему никак не хотел сокращаться. Ему казалось, что он крутит педали велосипеда, с колес которого соскочила цепь. Впрочем, то же самое он чувствовал и при мыслях о своей жизни: имитация движения вперед и ничего больше.

Прежде чем уединиться в своей опустевшей квартире, Лунев решил зайти к Кларе Карповне. Ему казалось, что она сохранила частичку мамино тепла, в котором он сейчас особенно нуждался. Это общение было для него последним шансом на утешение.

Поднявшись пешком на пятый этаж, Лунев потопал ногами, чтобы стряхнуть с ботинок налипший снег, а затем нажал на кнопку звонка. Очень скоро он услышал шаги за дверью, затем лязганье открывающегося замка. Клара Карповна, появившаяся в дверном проеме, поняла его состояние без слов.

— Проходи, Андрей, — сказала она, отступив назад. — Я как раз чай завариваю.

Клара Карповна была одета в махровый халат в полоску, из-под которого выглядывала кофта, а леопардовые тапки едва налезали на теплые носки. Окрашенные хной волосы были собраны в высокий пучок. Вела себя она так просто и естественно, как будто Лунев пришел к себе домой, вернувшись, например, с работы. Впервые за эти долгие два дня он почувствовал себя лучше. Пройдя в квартиру, Лунев закрыл за собой дверь. Он повесил куртку на крючок и, оставив на коврик ботинки с остатками тающего снега, прошел в кухню.

— Садись! — Клара Карповна легонько похлопала Лунева по плечу и, близоруко сощурившись, надела очки.

Лунев тяжело опустился на стул, как будто в этот момент его покинули последние силы. На столе перед ним лежал наполовину разгаданный кроссворд, заполненный аккуратным почерком. Из соседней комнаты доносилось тихое тиканье старых ходиков, создававшее необъяснимый уют в этой квартире. Лунев посмотрел на Клару Карповну. Ее перемещения по кухне, звуки, домашние запахи натолкнули Лунева на мысль, что умиротворение нужно искать в быту и простоте, а не в деньгах и приключениях.

— Сейчас я сделаю чай, и пойдем с тобой в гостиную, — сказала Клара Карповна, накладывая в хрустальную вазочку песочное печенье.

Лунев собрался возразить, что не голоден, но потом понял, как сильно нуждается в том, чтобы кто-то напоил его чаем, поговорил и выслушал. Он давно забыл, каково это, когда о нем кто-то заботится. В его груди разлилось тепло благодарности, смешанное с печалью.

Клара Карповна велела Луневу нести заварочный чайник, а сама взяла чашки, сахарницу и вазу с печеньем. Пройдя по длинному коридору, они оказались в просторной гостиной. Здесь, несмотря на цветочный аромат освежителя воздуха, пахло кошкой, лежавшей на высокой красной подушке в углу дивана. Ее толстые бока мягко вздымались от мерного дыхания. Серая, в тонкую черную полоску, с невероятно пушистым хвостом, она выглядела царственно.

— Привет, — сказал Лунев.

Кошка лениво открыла желтые глаза и повернула голову в сторону вошедших, но, не увидев ничего стоящего, зевнула и отвернулась. Стены гостиной украшали картины в массивных позолоченных рамах с тусклыми изображениями пейзажей. Длинные полки старинного шкафа были заставлены аккуратными рядами книг, подобранными по цвету корешков. Посреди комнаты стоял круглый полированный стол, натертый до блеска. Клара Карповна поставила на него свою ношу и взяла чайник из рук Лунева.

— Ты уже ходил к маминной могиле? — спросила она, усаживаясь за стол.

— Как раз оттуда иду, — кивнул Лунев, сев напротив Клары Карповны.

Ему захотелось сказать о том, какое ужасное впечатление произвел на него этот поход, но он вовремя прикусил язык.

— Лидочка... твоя мама была бы довольна. — Увеличенные линзами очков, глаза Клары Карповны наполнились

слезами. — Все прошло по высшему разряду, как для себя старалась. И похороны, и поминки. — После этих слов Клара Карповна не сумела сдержать слез. Сняв очки, она приложила к глазам салфетку, тут же ставшую мокрой. — Пусть земля ей будет пухом, отмучилась бедняжка.

Глядя, как Клара Карповна быстро крестится, Лунев ощутил, как в гортани набухает горячий ком. Он опустил глаза и стиснул зубы, чтобы не заплакать.

Вытерев слезы, Клара Карповна налила чай в чашки.

— Андрей, тебе нужно выпить горяченького, я вижу, что ты совсем продрог. — Она придвинула к нему чашку.

— Спасибо. — Лунев несколько раз провел ладонью по гладкой поверхности стола, как человек, пытающийся собрать мысли, которые бродят где-то далеко. — Клара Карповна, вы говорили, что у мамы был инфаркт...

— Да, несколько недель назад. — Некоторое время соседка задумчиво смотрела перед собой, а потом подняла глаза на Лунева. — После него Лидочка все время говорила, что хочет на тебя перед смертью хоть разок взглянуть. Все ждала, до последнего дня верила, что ты приедешь.

— А я не успел...

Облокотившись о стол, Лунев схватил себя руками за голову и, не сдержавшись, заплакал, беззвучно, почти без слез.

— Давай, давай, поплачь, тебе легче станет. — Клара Карповна встала и подошла к Луневу. — В себе такое горе держать нельзя. — Она погладила Лунева по коротким волосам. — Где бы ты ни был, но о маме не забывал, всегда деньги отправлял. Так что обиды у нее на тебя не было, не думай. Просто она скучала очень. Одиночество, оно, знаешь, не сахар...

— Спасибо вам за все, Клара Карповна, — произнес Лунев, распрямляя спину. — Даже не знаю, что было бы с мамой без вас. И со мной...

— Пока у нас есть силы, наш долг помогать своим ближним. — Вздыхнув, Клара Карповна вернулась на свое место. — И, знаешь, заботиться о других очень приятно. Очищает душу.

Лунев понимал, что если не хочет совсем расклеиться при Кларе Карповне, то должен перевести тему разговора в другое русло.

— А как тут у вас вообще жизнь идет? — Он положил ладони на чашку с дымящимся чаем, стараясь не поднимать покрасневшие глаза. — Что нового? А то я за новостями давно не слежу.

— Да что у нас нового может быть? — Клара Карповна захрустела печеньем, стараясь придать своему тону неприужденность. — Одни воюют, другие воруют. Цены растут, а зарплаты и пенсии все те же. Едва концы с концами сводим. — От чайного пара стёкла ее очков покрылись испариной. — Недавно, например, сынок депутата сбил девочку на перекрестке. Насмерть сбил. Пьяный из клуба возвращался. И что? Думаешь, его накажут? Не-е-ет. — Клара Карповна покачала головой. — В нашей стране нет справедливости и никогда не будет.

Сделав глоток чая, Лунев поставил чашку на стол и посмотрел в окно, за которым не было видно ничего, кроме серого неба и черных верхушек деревьев.

— Все, как всегда, только мамы больше нет... — Лунев облизал обветренные губы. — Кто только придумал этот мир, где нет ничего, кроме страданий, а зло всегда побеждает?

— Ты не прав. — Клара Карповна подняла вверх указательный палец, на котором поблескивал массивный перстень. — Вот я, например, заведую детским домом для слепых детишек. И не так давно нашим попечителем стала одна благотворительная компания, «Энджелс Харт» называется. Они помогают усыновлять наших сирот. — Ее глаза взволнованно заблестели, и она понизила тон, как будто хотела

доверить ему какую-то большую тайну: — Совсем недавно они сделали нам подарок — несколько десятков книг и специальную обучающую программу для слепых. А еще оборудовали медицинский кабинет по последнему слову техники.

Лунев кивнул:

— Приятно слышать, что в мире есть добрые люди.

— Знаешь, когда я познакомилась с Ангелиной Эдуардовной, хозяйкой фирмы, то очень удивилась. Если бы сама не знала, сколько она добра делает, так и не поверила бы.

— Почему не поверили бы? С ней что-то не так?

— Нет, нет! — торопливо возразила Клара Карповна. — Просто такая грандиозная благотворительность в сочетании с молодостью и красотой — это редкость по нашим временам. И, к моему стыду, сначала она мне совсем не понравилась. Не слишком приветливая. Даже холодная. Но какая у нее щедрая душа оказалась!

— Значит, теперь она вам нравится?

— Теперь я поняла, что она держится надменно, чтобы ее чрезмерной добротой не пользовались все, кому вздумается. Совсем недавно она за свой счет провела полное обследование всех детей нашего дома! Представляешь? — На глазах Клары Карповны снова выступили слезы. — Она заботится о каждом ребенке, не жалеет никаких средств на их лечение. Но, главное, находит состоятельные семьи, которые усыновляют и удочеряют детишек. Как правило, это иностранцы. Многие обещают не жалеть денег, чтобы вернуть малышам зрение.

Лунев едва не подскочил от неожиданности, когда о его ногу мягко потерлась кошка. С ласковым урчанием она принялась описывать восьмерки вокруг его ног, будто желая связать их невидимыми нитями. Лунев посмотрел на кошку. Никогда раньше он не любил этих созданий. Но сейчас в нем что-то переменялось. Он понял, что впредь именно так и хочет провести остаток жизни: завести кошку, пить по вечерам чай и ходить на работу, как все.

«Начну жить так, как хотела бы мама, — подумал Лунев. — Все. Баста. Больше никаких джунглей, никакого виски. Пришел момент начать все с чистого листа. Набело. И к черту прошлое, к черту!»

Когда нам по-настоящему плохо, мы верим, что способны начать все с нуля. Но разве возможно вычеркнуть из своих воспоминаний былой опыт? Ведь это значило бы вычеркнуть самих себя...

* * *

Чтобы начать новую жизнь, Луневу предстояло сделать первый шаг: убрать в своем жилище, избавиться от старых вещей и сделать необходимые покупки.

Сначала Лунев собрал хлам по всей квартире. Пожилым людям всегда жалко расставаться даже со старыми, никуда не годными и поломанными вещами. Лунев оставил лишь то, что хранило тепло его мамы: он не тронул ее шкаф с одеждой, полил цветы в горшках, оставил на месте потертое кресло и лупу с щербинкой. Он решил, что ее комната навсегда останется такой, какой была, и он не станет в ней ничего менять.

Но намного проще сказать себе, что начнешь все с чистого листа, чем и правда сделать это. Когда очередь дошла до комнаты Лунева, на него всей своей тяжестью навалилась ностальгия. И ее было не так-то просто одолеть. Ведь здесь были все его вещи, все то, что окружало его когда-то. И Луневу казалось, что это то, чем он сам, по сути, и являлся: гитара с лопнувшей пятой струной, фотографии давних друзей, подушка с вышитым сердцем от любимой девушки, плакаты кумиров на стене над кроватью, карандашные пометки роста на дверном косяке, китайский музыкальный центр и старые диски. Луневу казалось, когда не станет этих вещей, то и он исчезнет. Но также он знал, что если не избавится от всего этого хлама прямо сейчас, то не сможет уже никогда.

И ему останется медленно тонуть в болоте воспоминаний и давно исчезнувших образов. А хотелось совсем иного. Он хотел начать отсчет с нуля.

За дело Лунев принялся сначала робко и осторожно, снимая плакаты так, словно боялся повредить их до того, как отправит в мусорное ведро. Прежде чем смять какую-нибудь бумажку, извлеченную из ящиков стола, он тщательно изучал ее. Одни он складывал слева от себя, другие справа, а третьи сминал. Но потом, все больше увлекаясь, принялся с азартом и безжалостно выбрасывать все: от гитары до старых писем, которые даже не стал открывать. Через пару часов комнату было не узнать. В ней не осталось ни сломанного стула, ни даже обоев с пометками, сделанными шариковой ручкой. Комната опустела. Но в этой пустоте не было печали, а было ожидание чего-то нового и прекрасного. Несмотря ни на что.

Следующим этапом стала покупка одежды, обуви и продуктов. Потому что барахло, лежавшее в шкафу Лунева, можно было надеть разве что на вечеринку «Назад в девяностые», а в холодильнике мерещился скелет повесившейся мыши.

В магазине Лунев провел не меньше часа. Нужно было купить все: от средств личной гигиены до хлеба с маслом. Набрав полную тележку продуктов, Лунев оказался возле стеллажей с пивом. Подумав немного, он принял неожиданное для себя решение: полный отказ от спиртного и телевизора. И то, и другое — дорога в никуда, все дальше и дальше от цели. Луневу вспомнились слова: «Алкоголь не помогает найти ответ. Он помогает забыть вопрос». Мысленно похвалив себя за силу воли, Лунев вышел из магазина с двумя большими пакетами, набитыми исключительно хозяйственными припасами.

После этого он сделал короткий марш-бросок по магазинам одежды, купив там только необходимое, потому что стоп-

ка денег неумолимо таяла. После подсчета Лунев определил, что средств у него осталось не больше, чем на месяц скромной жизни. Это означало только одно: ему нужно было срочно найти работу.

Поскольку интернета в квартире не было, Лунев закупил кипу газет с объявлениями и принялся обзванивать всех, кто нуждался в физически крепких сотрудниках, имеющих армейский опыт. В основном такие были нужны для работы на фейсконтроле или в службе безопасности. Из-за непрерывного потока голосов, цифр и букв Лунев стал плохо сообщать, а толку никакого не было: то возраст не подходил, то зарплату предлагали просто смехотворную. Выпив большую чашку крепкого кофе, он снова принялся за дело. На этот раз ему повезло больше: он получил приглашение сразу на несколько собеседований.

Офисы, где Луневу назначили встречи с руководством, были похожи друг на друга, как зеркальные отражения: просторные светлые помещения, широкие мраморные лестницы, в интерьерах много сверкающего стекла и блестящего металла, за стойками сидят красивые секретарши в эффектных нарядах, с холодными улыбками на красивых лицах. И нигде ни слова правды. Как ни пытался Лунев понять, чем конкретно ему предстоит заниматься, ему не могли ответить на этот вопрос до подписания контракта с пунктом о неразглашении информации. Где-то ему предлагали работу в банковской службе по взиманию долгов, где-то — место в казино, где-то — должность таинственного курьера для особых поручений. Но ни один из вариантов не устроил Лунева. Не хотелось ему запугивать должников, быть вышибалой или перевозить черный нал. Вернувшись домой, он твердо решил, что станет таким, как мечтала его покойная мать. Во что бы то ни стало он будет жить как добропорядочный гражданин своей страны. Кота он, может, и не заведет, но жена ему точно понадобится. И, если повезет, дети тоже будут.

«Хотя... Зачем мне дети? — подумал Лунев, сев на диван. — Ведь рано или поздно я умру и заставлю их переживать те страдания, которые испытываю сейчас сам. В этом нет ничего, кроме эгоизма. — Он взял в руки пульт от телевизора. — И вообще, в жизни смысла не больше, чем в движении стрелки часов. И от этого тошно. Мы все как слепые котята...»

Лунев хотел включить телевизор, но вспомнил данное самому себе обещание.

— Да пошел ты!.. — Он отбросил пульт в сторону.

В его голове пронеслось: «Надо выпить пива. Ведь все равно жизнь не имеет смысла. Так какого черта не получить хотя бы маленькое удовольствие?»

Встав с дивана, Лунев направился в свою комнату, чтобы одеться. Но, натянув джинсы на одну ногу, он неожиданно замер, словно прислушиваясь к чему-то.

И он на самом деле слушал. Слушал свой внутренний голос, обещавший ему, что очень скоро что-то произойдет, после чего его жизнь круто изменится. Лунев сел на кровать. Он думал, стоит ли верить внутреннему голосу, который лгал ему чаще, чем посторонние люди? Но в этот раз голос был так убедителен, что Лунев решил послушать его и еще немного подождать.

Как только он принял это решение, с его души словно сняли тяжелую ношу. Внутренняя борьба закончилась. Сомнения и страхи ушли. Впервые за долгое время Лунев улыбнулся: неужели все так просто?

Да. Когда хватает силы воли, чтобы противостоять соблазну, то все становится легко. Главное — не забывать, что после каждого твоего решительного «нет» соблазн будет появляться снова и снова. Но только с каждым разом он становится все изощреннее и сильнее, как мутировавший вирус. И неизбежно приходит час, когда больше не остается лекарств, которые могли бы справиться с ним.

ГЛАВА 3

В СТРАНЕ СЛЕПЫХ

Поначалу этот вечер ничем не отличался от остальных, таких же безрадостных и пустых. Вернувшись домой с очередного собеседования, Лунев поставил сушиться промокшие ботинки, загрузил стиральную машину бельем и сел чистить картошку. Радио тихо пело ему о чем-то хорошем и немножко печальном, на плите посвистывал чайник, в соседнем доме зажигались окна. Покончив с картофелиной, Лунев вытирал руку, отщипывал мякиш от белого батона и совал его в рот, чтобы утихомирить не на шутку разволновавшийся желудок. «Четырех вполне хватит, — сказал он себе, откладывая нож, — не жадничай...» И тут же взялся чистить пятый клубень, выбрав, как бы наугад, самый крупный.

Когда картошка была почищена, помыта и нарезана мельчайшей соломкой, Лунев залил заварку кипятком, а на место чайника водрузил черную чугунную сковороду с лужицей подсолнечного масла. На этом процесс приготовления ужина прервался.

Удивленно вскинув брови, Лунев отправился к двери, в которую только что робко позвонили. На какие-то доли секунды ему почудилось, что сейчас войдет мама, вернувшаяся из магазина, но тут же пришло отрезвление, и было оно столь тягостным, столь мучительным, что дверь Лунев открыл с самым мрачным выражением лица. Клара Карповна, стоявшая на пороге, виновато улыбнулась:

— Извини, Андрей. Я, наверное, не вовремя?

— Что вы, что вы, Клара Карповна. — Он отступил, пропуская ее в квартиру. — Проходите. Добрый вечер.

— Ой, здравствуй, Андрей, здравствуй. Я сегодня такая рассеянная... Совсем ничего не соображаю. Беда у нас.

— У вас? — насторожился Лунев.

— В детском доме нашем, — уточнила Клара Карповна. — Он ведь мне как родной.

Было слышно, как в кухне шипит разогревшаяся сковорода.

— Поужинаете со мной? — предложил Лунев. — Картошечка, огурчики...

— Не до картошечки, Андрей. Горелов погиб. Такой ужас...

— Горелов?

Лунев переступил с ноги на ногу. Он не знал, кто такой Горелов, но из кухни уже тянуло горелым, хотя, конечно, каламбур тут был совсем неуместен.

— Охранник наш, — пояснила Клара Карповна, слабо улыбнувшись, что было больше похоже на болезненную гримасу. — Давай я позже зайду, а то там у тебя горит что-то...

— Минутку...

Лунев сбегал в кухню, выключил плиту, завел гостью в комнату и усадил в кресло. Там она, сняв запотевшие очки, поморгала глазами и немного поплакала, прежде чем продолжить свое печальное повествование о погибшем Горелове.

— Дима был очень хорошим человеком и прекрасным работником, — говорила она, осторожно прихлебывая поданный Луневым чай. — Честный, добрый, сильный, ответственный. Не пил, не курил, детей любил, вечно возился с ними, истории всякие рассказывал. Он охранником у нас числился. Но если надо было снег почистить или, там, кран починить, никогда не отказывался, на должностную инструкцию не ссылался. Вот... — Клара Карповна отставила чашку, чтобы потереть переносицу и водрузить на место очки, без

которых она явно чувствовала себя неуютно. — И вдруг такое несчастье. Разбился Дима Горелов. Насмерть.

— Упал откуда-то? — предположил Лунев, желая выразить заинтересованность, которой он не испытывал.

Чужие смерти его сейчас не трогали. Слишком велика была собственная драма. Не было ни дня, ни, пожалуй, и часа, чтобы он не корил себя за то, что оставил маму одну. Если бы он был рядом! Ах, эти бессмысленные, жалкие «если бы, если бы»...

— Он разбился в машине, — вздохнула Клара Карповна. — Ехал к себе домой, за город, и перевернулся. В полиции считают, что превысил скорость или попытался обогнать кого-то. Дорога-то скользкая: снег, лед.

— Да, — сказал Лунев, чтобы хоть что-то сказать. — И видимость, наверное, ни к черту была.

— Возможно. Но в одном я уверена: Дима был абсолютно трезв.

«Какая теперь разница? — подумал Лунев. — Трезвый, пьяный. Кто-то ехал домой и не доехал. А кто-то ждал сына и не дождался. Смерти безразлично, хорошие мы или плохие. Она всех гребет под одну гребенку. Может, водки взять? Сижу один, как сыч, от себя тошно».

— Жаль парня, — произнес он вслух и вовремя удержался, чтобы не бросить взгляд на часы.

— А уж мне-то как жаль. — Клара Карповна тяжело поднялась с кресла и принялась застегивать пальто. — Но я не для того зашла, чтобы портить тебе настроение. Я с деловым предложением.

— Да? — Продолжая думать о водке, Лунев поплелся за гостьей в прихожую.

— Как я уже говорила, Дима Горелов работал охранником в моем детском доме, — сказала она. — Теперь, как ты понимаешь, место освободилось. Зарплата, конечно, не самая высокая, но есть льготы, и проезд в городском транспорте бесплатный.

Запотевшая бутылка водки еще разок сверкнула перед мысленным взором и исчезла. С некоторым изумлением Лунев почувствовал, что обрадовался. Впервые за долгое время.

— Если льготы, то я согласен, — выпалил он, улыбаясь. — Что там у вас? Молоко бесплатное? Форменная ту-журка?

Клара Карповна шутивого тона не приняла. Она очень серьезно относилась к работе и дала понять это суховатыми, почти официальными выражениями, в каких пригласила Лунева в детский дом-интернат для слепых детей, называвшийся почему-то «Парус». Объяснила, как добраться, назначила время, попросила не опаздывать. И лишь после того, как формальности были выполнены, позволила себе прежние участливые нотки:

— Как ты вообще, Андрей? Не очень тебе одиноко?

«Хоть волком вой», — подумал он, а слова произнес другие:

— Все в порядке, Клара Карповна, привыкаю помаленьку. Спасибо вам за заботу.

На том и расстались.

* * *

Впоследствии Лунев не раз раскаялся в том, что принял предложение соседки. Дело было даже не в том, что этот шаг привел его на край губительной бездны, в которую он заглянул и ужаснулся тому, что увидел. В первую очередь Лунев пожалел о принятом решении потому, что оно причинило ему моральные страдания. Детдом «Парус» оказался не тем местом, где можно было просто выполнять свои служебные обязанности, ни о чем больше не тревожась. Каждый день, проведенный здесь, заставлял сердце сжиматься от тоски и боли.

Едва переступив порог этого заведения, Лунев столкнулся с его питомцами и понял, что собственные его несчастья

вовсе не так велики, какими представлялись прежде. Он как-то позабыл, что за дети живут и воспитываются в «Парусе». Ожидая, пока закончится совещание в кабинете *Заведующей Шубской К. К.* (как значилось на изрядно облупившейся дверной табличке), Лунев побродил по коридору и от нечего делать заглянул в игровую комнату (ее дверь тоже была снабжена соответствующей надписью). Он увидел крохотного мальчугана без штанишек, который яростно размахивал горшком, охаживая им такую же маленькую девочку, присевшую на корточки и закрывавшую голову руками. При этом оба хранили молчание, только сопели и пыхтели, не привлекая к себе внимание отвернувшейся воспитательницы в белом халате. Кажется, она рассказывала детям сказку о трех поросятах, заодно пытаясь объяснить, как они выглядят.

А мальчик без штанов тем временем потерял отползшую девочку и в поисках жертвы натолкнулся на Лунева. Бац! Увесистый пластмассовый горшок с перепачканным дном врезался в подставленную руку Лунева.

— Спокойно, — сказал он мягко. — Не надо меня бить.

— Надо! — возразил мальчик и замахнулся опять.

Больше всего Лунева потрясла даже не его беспричинная ненависть, а полное несоответствие свирепого выражения детской мордашки пустым, безжизненным, широко открытым глазам, устремленным туда, куда не было дано проникнуть обычному человеческому взгляду. Лунев, инстинктивно схвативший мальчугана за запястье, почувствовал странную смесь отвращения и ошеломляющей жалости. Скорее всего, он отпустил бы маленького дебошира и позволил бы ему колотить себя грязным горшком, сколько тому вздумается, но, к счастью, на выручку пришла воспитательница.

— Хватит, Гена, хватит, — произнесла она увещевающим тоном, оттаскивая питомца от Лунева. — Дядя хороший.

— Плохой, — убежденно возразил Гена. — Он мой папка. Его убить нужно.

— Это не папа. Просто дядя.

— Я у вас работать буду, — зачем-то сообщил Лунев и рассердился на себя за заискивающие нотки в голосе.

Он не был виноват перед мальчиком Геной. Или все-таки был? Иначе откуда это чувство вины, мешающее дышать?

— Правда? — обрадовалась воспитательница и, глядя на Лунева, умудрилась заметить, как девочка в лимонном платье вытащила из кармана обмылок, собираясь попробовать его на вкус. — Нельзя, Эллочка, — сказала она, мягко отбирая мыло. — Это несъедобно, животик заболит. Эллочка у нас умница, — сообщила она Луневу. — Аккуратная, старательная. И ориентируется хорошо. Сама дорогу находит в столовую, в спальню, правда, Эллочка?

— Молодец, — похвалил Лунев, морщась из-за своего приторно-фальшивого тона. — Так держать!

— Что держать? — спросила девочка, и он почувствовал себя полным кретином.

Дети — их было в комнате около двадцати — уставились на него в ожидании ответа. Они *не видели*, но они *смотрели!* Лунев почувствовал себя насекомым, проткнутым булавкой. Бормоча что-то невнятное, он поспешил ретироваться и, к своему облегчению, обнаружил, что Клара Карповна освободилась. Закончив краткий инструктаж, она сняла очки и сказала, устало потирая переносицу:

— Что ж, поздравляю, Андрей, с вступлением в наш маленький дружный коллектив. Но синекуры не обещаю. Трудно у нас, трудно. Сейчас не то что при «совке», как теперь принято называть Советский Союз. К нему можно относиться по-разному, но одного у СССР было не отнять: там о несчастных заботились. Существовали специализированные предприятия для слепых, общежития, система обучения. Согласна, жизнь у них и тогда была не радостная, но все же

упорядоченная, обеспеченная. Государство по мере возможности защищало слепых. А сейчас кому они нужны? — Она покачала головой. — Слава богу, Ангелина Эдуардовна про нас не забывает. Ее фамилия Мягкова, она создала благотворительный фонд «Энджелс Харт», помните, я вам рассказывала?

— Да, было что-то такое, — согласился Лунев.

— В планы компании входит строительство нового корпуса за городом: река, сосновый бор, чистый воздух. — Клара Карповна мечтательно зажмурилась и потянула носом, словно уже ощущала аромат хвои. — А пока нам просто финансами помогают, оборудование помаленьку подбрасывают: компьютеры с брайлевской клавиатурой¹, фильмы с тифлосурдпереводом². У Мягковой есть выход на министра экономического развития. Обещают поставить нас под особый контроль.

— Отлично, — кивнул Лунев и неожиданно, не сдержавшись, зевнул.

Он сделал это с закрытым ртом и вовсе не потому, что ему была безразлична судьба питомцев «Паруса», но получилось некрасиво. Нахмурившись, Клара Карповна нацепила обеими руками очки и сухо произнесла:

— Впрочем, я, кажется, заговорила. Вы ведь нанимаетесь к нам охранником и не обязаны принимать наши проблемы слишком близко к сердцу. — Она особо выделила голосом местоимение «вы», давая понять, что в стенах своего учреждения предпочитает официальную манеру общения. — Завтра с утра можете приступать к своим служебным обязанностям.

¹ Брайлевская клавиатура — особая клавиатура для слепых с 20 клавишами, каждая из которых соответствует не букве, а точке. Позволяет набирать текст методом Брайля.

² Тифлосурдперевод — способ общения со слепоглухонемыми с использованием тактильного контакта.

— Напрасно вы так, Клара Карповна, — упрекнул Лунев. — Я ведь к вам работать пошел, а не в какое-нибудь казино. И детишек ваших мне очень жалко, честное слово. Я за них...

Он не договорил, понимая, что всякие возвышенные речи неуместны в этих стенах.

— Спасибо, Андрей. — Приблизившись, Клара Карповна мягко прикоснулась к его предплечью. — Я рада, что не ошиблась в вас. Мы все делаем здесь важное дело... богоугодное, как сказали бы в старину. Некоторые недоумевают: зачем возиться с отверженными, которых никто нигде не ждет, которые все равно будут отброшены на обочину жизни? А мы возимся и будем возиться! Потому что кто-то должен этим заниматься. Нельзя бросать несчастных и слабых на произвол судьбы — это было бы бесчестно.

Лунев, которому всегда становилось неловко от обилия высокопарных фраз, сделал шаг, но Клара Карповна его задержала.

— И последнее, — сказала она. — Здесь требуется максимальная чуткость, Андрей. Вы видели, как передвигаются наши дети?

— За стены держатся, — припомнил Лунев. — И друг за дружку.

— Не только, — возразила Клара Карповна. — Они всё время прислушиваются. К вибрации пола, к чужому дыханию, к общей атмосфере помещения. Даже не ушами. Всем своим естеством. Вот и нам надо быть такими же чуткими, внимательными. Когда знакомитесь со слепым ребенком, обязательно присядьте рядом и позвольте ощупать свое лицо. Не сюсюкайте с ними, не гладьте по головке, это заставляет их лишний раз ощутить свою ущербность. Настоящая ласка — она ведь в другом. Понимаете, Андрей?

— Понимаю, — кивнул Лунев. — Я все понимаю.

И это были не просто слова.

Еще до того, как педагоги и воспитатели свыклись с присутствием Лунева и перестали коситься на него, как на чужака, он подружился с двенадцатилетней девочкой Настей Карташовой. Она была худенькой и маленькой, но очень смышленной и бойкой. Знакомство с ней произошло при обычных обстоятельствах.

Однажды Лунев поднялся на второй этаж, чтобы помочь воспитательницам заменить перегоревшую пробку. Возясь возле электрощита в дальнем и темном конце коридора, он стал свидетелем странной сцены. Пять или шесть слепых девочек, возвращавшихся с урока, шли плотной гурьбой, держась друг за друга и полагаясь на сноровку Вали Химич, возглавлявшей процессию. Но внимание Лунева привлекло не само это трогательное и немного забавное шествие, являвшееся самым обычным делом для детдома «Парус». Он заметил, что Настя Карташова, шедшая последней, заглядывает поверх голов других девочек, как бы проверяя, правильно ли их ведет Валя. Более того, в какой-то момент девочка отстала от группы, чтобы посмотреть в окно, а потом, почувствовав на себе чужой взгляд, быстро повернулась и увидела Лунева.

Именно *увидела*, потому что он не выдал себя ни движением, ни звуком. Просто стоял молча, положив руку на дверцу электрощита, но не закрывая ее, чтобы не скрипнула. Встретившись с ним взглядом, Настя встрепенулась, догнала девочек и, положив ладонь на плечо последней, засемила по коридору. Ее голова была поднята, глаза смотрели в пустоту, но это уже не могло обмануть Лунева.

Вечером, когда из столовой доносился дружный звон ложек и детский гомон, Настя подошла к Луневу, дежурившему у входа.

— Никому не сказали? — спросила она, не таясь.

Помедлив, он пожал плечами:

— Нет. А должен был?

— Не говорите, — быстро сказала Настя. — А то меня отчислят. Переведут в другой дом. Обычный.

— Тебе здесь нравится?

Ответить девочка не успела.

— Настя! — раздался женский голос. — Карташова! Ты куда подевалась? А ну-ка быстренько за стол. Тебе особое приглашение требуется?

Девочка поспешила на зов. Но перед этим бросила умоляющий взгляд на Лунева: не выдавайте! Он не выдал, и с тех пор Настя частенько стала скрашивать ему скучные часы дежурств. Лунев работал пока что в полторы смены, потому что Шубской не удалось найти второго охранника на более чем скромную зарплату. Он находился в «Парусе» с утра до десяти вечера, потом входные двери запирались, а дежурство принимала одна из воспитательниц. Свободного времени у Лунева почти не оставалось, но ему это даже нравилось. Так было легче изменить привычный образ жизни, когда проводишь вечера перед телевизором с бутылкой и чипсами.

Общение со слепыми детьми сделало Лунева более ответственным и отзывчивым. Всякий раз, когда его навещала Настя, он старался сунуть ей что-нибудь вкусненькое и даже пытался выдумывать всякие забавные истории. Они получались довольно неуклюжими, но Настя была довольна. Ей не хватало общения со взрослым мужчиной, который в чем-то заменил ей отца. Иногда Лунев ловил себя на мысли, что относится к девочке как к дочери, и спрашивал себя: будут ли у него когда-нибудь собственные дети? Он точно не знал, хочет ли этого. Но доверчивая любовь девочки трогала его до глубины души.

Настя призналась, что зрение вернулось к ней еще полгода назад. Сперва она начала видеть источники яркого света, потом перед глазами появились цветные пятна, потом в темноте стали проступать разные расплывчатые контуры, и наконец

мир снова заиграл для нее формами, образами и красками. Но Насте, не помнившей родителей, не хотелось покидать подруг и друзей, появившихся у нее в «Парусе». До того как ослепнуть от удара ломом по голове, она воспитывалась в обычном приюте и хорошо запомнила жестокие нравы, царившие там.

Свою тайну она поведала только Вале Химич и Луневу. «Буду нем как могила», — пообещал он, вспомнил мать и помрачнел. Настя заметила, вернее почувствовала, его состояние. «Не грусти, не надо», — попросила она, взяла его большую ладонь и быстро прижала к своей щеке. А потом заплакала. Ей ведь тоже приходилось несладко. Гораздо труднее, чем Луневу, который жил на свободе и был сам себе хозяин. Он неловко погладил ее по голове и протянул мобильник: «Это тебе. Подарок».

На самом деле телефон Лунев приобрел себе, потому что его прежний давно устарел и вызывал косые взгляды окружающих. Он даже не успел перенести в электронную память номера, намереваясь заняться этим после работы. Но Насте, конечно, телефон был нужнее. И теперь она могла тайком звонить Луневу, когда ей было страшно и одиноко. Случалось, звонки раздавались среди ночи, но он не сердился. Они ведь были друзья. А кому, как не другу, звонить в трудную минуту?

* * *

Через некоторое время, когда закружили январские вьюги, у Лулева появилась еще одна собеседница... и не только собеседница.

Это была воспитательница Алена Дмитриевна Колесникова, молодая, опрятная, симпатичная женщина с прической, делавшей ее похожей на модницу двадцатых годов прошлого века. У нее даже родинка на верхней губе имелась, а шею перехватывали несколько старомодные жемчужные бусы.

В остальном Алена была вполне современной женщиной и легла в холостяцкую постель Лунева после первого же свидания, чем приятно его удивила.

Они обменивались долгими изучающими, довольно откровенными взглядами еще во время новогоднего банкета, устроенного в спортивном зале «Паруса», но после того случая общались мимоходом и редко, потому что пузырьки шампанского не бродили больше в их крови. Однако Лунев украдкой наблюдал за Аленой, отмечая про себя, как льнут к ней дети, как легко и грациозно она двигается, как заразительно смеется, отбрасывая кончики волос, лезущие в рот.

Их первое свидание состоялось благодаря зеленому «ланосу» Алены, который однажды занесло так, что он не мог выехать со стоянки во дворе детского дома. Вооружившись лопатой, Лунев помог воспитательнице и удостоился приглашения на чашку чая. Поскольку жила Алена далековато, за городом, а зимняя стужа и снегопады не благоприветствовали путешествиям, приглашение это могло бы остаться чисто символическим, но не таков был Лунев, чтобы упускать выпавший ему шанс. Он заявил, что не намерен ждать оттепели. Никто не помешает им попить чаю у него дома. Или Алена Дмитриевна не рискнет довериться Луневу? Она доверилась. До такой степени, что разделась догола и отдалась ему со страстью зрелой одинокой женщины.

После третьего раза, далеко за полночь, они все же набросили кое-что из одежды и отправились пить чай, потому что сил больше ни на что не осталось. Тогда Алена спросила, что привело Лунева в такую тихую гавань, как «Парус». Он вкратце объяснил, намекнув, что устал вести жизнь солдата удачи.

— Ты совершенно прав, что решил начать новую жизнь, мирную, — сказала Алена. — Но вряд ли ты у нас надолго удержишься, Андрей. Наш коллектив такой непостоянный.

Обычно сотрудники уходят через несколько месяцев. Полтора года — предел. Больше никто не выдерживает. Трудно со слепыми детьми. Очень трудно. И морально, и вообще...

— А тебе? — поинтересовался Лунев, отставляя чашку. — Тебе не трудно? Ведь ты, насколько я понимаю, давно в «Парусе» работаешь?

— Давно. Я их понимаю, наших питомцев. Сама без отца выросла. Не самое большое горе, конечно, но все-таки.

— Я бы многое отдал, чтобы вернуть маму. Без нее так пусто порой...

— Если хочешь, по выходным я могу брать над тобой шефство, — поспешно сказала Алена. — Постирать, там, убрать, еды наготовить...

— Не надо, — так же быстро отреагировал Лунев, а сам подумал: «Ишь, как мы захомутать мужика торопимся! Только я пока что предложения руки и сердца не делал. Да и будет ли оно? Ты хорошая женщина, Алена, и в постели с тобой не соскучишься, но разве достаточно этого, чтобы связать с тобой жизнь? Не знаю. Пока не знаю».

— Ну, не надо так не надо, — не стала настаивать Алена. — Я не навязываюсь. Невелика радость — в холостяцкой кухне хозяйничать.

Она обвела взглядом обстановку и смутилась. Кухня не была холостяцкой. В каждой мелочи сквозили забота и уют, вложенные сюда женщиной... женщиной, которой здесь больше не было.

Или была?

Лунев ощутил что-то вроде слабого прикосновения ледяного пальца, скользнувшего вдоль позвоночника, от копчика до черепа. Кожа покрылась мурашками, волосы на затылке встопорщились. «Выпить бы, — привычно подумал он и так же привычно себе ответил: — Перебьешься!»

— Очень плохо тебе? — тихо спросила Алена, заметившая резкую перемену в настроении Лунева.

— Терпимо. — Он встал, чтобы убрать со стола. — Давай укладываться. Поздно уже.

— Погоди.

Алена взяла его за руку и прикоснулась к ней губами. Он хотел высвободиться, но не стал. Очень похожий жест сделала недавно Настя Карташова. Такими трогательными умеют быть только дети и влюбленные женщины.

— Что? — спросил Лунев, постаравшись смягчить охрипший голос.

Вместо ответа Алена что-то написала на его ладони пальцем. Она делала это медленно, старательно обозначая каждую букву. Потом заглянула ему в глаза. Снизу вверх, потому что продолжала сидеть, держа его за руку.

— Понял?

— Понял.

Алена написала слово «люблю». Лунев угадал слово еще по первым двум буквам. Теперь, внутренне сжавшись, он ожидал вопроса: «А ты меня?» Отвечать не хотелось. Лунев никогда не бывал влюблен и не знал, что это такое. В своем почти сорокалетнем возрасте он отлично видел разницу между бурным сексом и совместной жизнью. Чтобы жить вместе, необходимо притереться и привязаться друг к другу, а это вопрос не одной ночи и даже не ста.

— Расслабься, — сказала Алена, поднимаясь со стула. — Я просто показала тебе простейший способ общения со слепыми детьми... с теми, кто знает буквы. Ты пишешь им, они пишут тебе.

— И что они пишут? — поинтересовался Лунев, обнимая Алену.

— Разное, — ответила она. — И никогда ничего веселого. Я тоже была в детстве очень серьезной. Могла часами сидеть у окна и думать: «Где мой папа? Какой он? Почему нас бросил?» А потом с работы возвращалась мама, и я задавала эти вопросы ей. Она никогда не рассказывала мне об

отце. Ничего. Ни единого словечка. — Алена потерлась носом о грудь Лунева. — И я ничего о нем не знаю.

— Иногда лучше не знать.

— Так мне мама однажды и сказала. Она вышла на пенсию и уехала жить в деревню, а загородный дом мне оставила. Я редко ее проводываю. И чувствую себя такой скотиной!

— А ты не чувствуй, — посоветовал Лунев. — Просто проводывай и все.

— У тебя все так просто получается, — недовольно проговорила Алена.

Она, как все мы, не любила, когда вместо сочувствия ей предлагали решение проблемы.

— Просто, — подтвердил Лунев. — В жизни все просто. Ты или живешь правильно, или нет. В первом случае совесть твоя спокойна. Во втором не дает тебе покоя, пока не атрофируется. Выбор за нами.

— А ты умный, — сказала Алена, с уважением глядя на Лунева.

— Еще и сильный, — похвастался он, поднял ее на руки и понес в свою комнату.

Она смеялась, вырывалась и болтала ногами, как расшалившийся ребенок, которого укладывают спать. А потом вновь преобразилась во взрослую женщину, так что уснули они под утро.

ЛЕДИ И ДЖЕНТЛЬМЕН

В середине января зима уверенно вступила в свои права, заявив об этом двадцатиградусными морозами и снежными заносами. Рабочее место Лунева находилось в вестибюле детского дома, в маленькой пластиковой кабинке, которую раньше занимал Горелов, предшественник, погибший в недавней аварии. Второй пост размещался в караульном помещении возле ворот, но он пустовал.

Лунева это несколько не напрягало. На крохотном столике в его скромном «кабинете» стоял допотопный компьютер с выпуклым экраном и пожелтевшей от времени клавиатурой. Очень неказистый, зато подключенный к интернету. Долгое время Лунев к нему не прикасался, а потом все же решил навести порядок на рабочем столе и в папках компьютера. Зачем хранить то, что осталось от прежнего хозяина?

По-видимому, в последний раз компьютер был выключен второпях, без стандартной процедуры, поэтому, когда интернет был запущен, на экране появился открытый почтовый ящик с фамилией Горелова. Лунев собрался просто закрыть страницу, но его привлекла тема неотправленного письма, в которой значилось: «Генпрокурору Бужанову».

Приблизив лицо к экрану, Лунев застыл. Он прочитал то, чего никак не ожидал здесь увидеть. Горелов утверждал, что в детском доме «Парус» творятся страшные вещи, о которых он хочет рассказать генпрокурору при личной встрече. Далее Горелов просил назначить дату и время, когда его могли бы

принять в областной прокуратуре. Судя по тому, когда был создан черновик, охранник погиб всего через несколько часов после того, как закончил писать это письмо.

«Только этого мне не хватало, — подумал Лунев, нахмурившись. — Хотел начать все с чистого листа, и вот тебе раз! Не успел даже освоиться на новом месте, как уже вляпался во что-то. И дернул меня черт читать чужие письма...»

Как бы Лунев ни хотел сделать вид, что ничего серьезного не произошло, все его мысли снова и снова возвращались к содержанию электронного черновика. Он понял, что пока не узнает правду, не успокоится. Раньше в смерти Горелова он не видел ничего странного, но теперь она была подозрительно похожа на замаскированное убийство. Или это лишь удивительное совпадение? Поскольку Лунев не верил в мистику, то сразу отменил возможность случайности. Дело было нечисто, и с этим ему предстояло разобраться.

Чтобы лучше вникнуть в то, что происходит в детдоме, Лунев решил использовать свои обеденные перерывы для знакомства с персоналом. Общаясь со слесарем и поварами на отвлеченные темы, он старался найти хоть какую-то зацепку, которая подсказала бы, что имел в виду Горелов. Но из слов тех, с кем Луневу довелось поговорить, он усвоил одно: воспитанники детского дома накормлены, обеспечены всем необходимым и, насколько это возможно в их случае, счастливы. Ему не удалось заметить ни одной подозрительной детали. Тогда Лунев решил перейти к общению непосредственно с самими детьми. Но это оказалось не так просто, как он думал.

Дети в детском доме делились на две категории. Одни, так сказать, были продвинутые. Они учились по общеобразовательной программе, читали интересные книги и имели неплохую успеваемость. Среди них попадались даже довольно одаренные, которые играли на музыкальных инструментах и слаженно пели хором. К сожалению, таких питомцев было

меньшинство. Пообщавшись с ними, Лунев услышал от них лишь подтверждение слов персонала: жизнь в детском доме идет гладко, как по маслу.

Но основная масса здешних воспитанников относилась ко второй категории, имеющей множество нарушений психики и пониженный уровень интеллекта. Таким детям было не дано блистать на уроках или разговаривать со взрослыми о прочитанных книгах. Все, что было возможно, — это обучить их элементарному чтению, простым бытовым действиям и легкому труду. Дать, так сказать, базу, необходимую для жизни. Как ни старался Лунев, но расспросы таких детей ни к чему не привели. Они лишь лепетали что-то невнятное или замыкались в себе.

Ненамного больше пользы принесло и общение с няней Еленой Горобий и воспитательницей Татьяной Малаховой. В ответ на вопросы Лунева они недоуменно пожимали плечами, мол: «А что у нас может быть не так?» Получалось, что все были довольны: и воспитанники, и воспитатели. Следовательно, Горелов написал это письмо в приступе белой горячки? Или у него была нездоровая фантазия? Еще он мог хотеть кому-то отомстить, рассказав генпрокурору вымышленную историю об ужасах детского дома «Парус». И было бы это похоже на правду, если бы не одно *но*, заключавшееся в том, что Горелов погиб. С большой долей вероятности он был убит. За что? За поклеп? Это вряд ли.

Во время одного из обеденных перерывов Лунев решил ненавязчиво выяснить у Алены, что она думает о Горелове. Он направился к ней. Целый день его преследовал неистребимый запах тушеной капусты, от которого было невозможно спрятаться даже в самом укромном уголке. Теперь, когда Лунев шел по длинному коридору, покрытому оранжевым линолеумом, запах стал просто невыносимым. Вместо чувства голода, которое должно было возникнуть от ароматов еды, к горлу подступала тошнота. Лунев с детства ненавидел

тушеную капусту, которой почему-то всегда обильно кормят в детских учреждениях.

Миновав коридор, Лунев оказался возле приоткрытой двери в кабинет, где могла находиться Алена. Он легонько толкнул скрипнувшую дверь. Алена действительно оказалась внутри. Здесь аромат свежесваренного кофе наконец перебил запах еды, мучивший Лунева. Он заметил на столе красную чашку с дымящимся напитком. Но сама Алена стояла у окна, за которым кружились крупные легкие снежинки. Она задумчиво покачивалась из стороны в сторону в такт музыке, звучавшей у нее в голове. Можно было подумать, что Алена держит на руках младенца, которого нужно убаюкать.

— Гм-гм, — кашлянул Лунев, перешагнув порог. — Не помешаю?

Алена вздрогнула, словно ее разбудили, и обернулась.

— Нет, конечно. — Она вымученно улынулась бледными губами. — Я могу тебе чем-то помочь?

— Я тут хотел спросить... — Смутившись, Лунев провел ладонью по коротким волосам. — Возможно, мой вопрос тебе покажется странным, но... Что ты думаешь о Горелове?

Несколько секунд Алена удивленно разглядывала лицо Лунева, как будто хотела спросить: «Ты серьезно считаешь, что я буду говорить с тобой о нем?» Потом напряжение в ее лице сменилось не то безразличием, не то напускным спокойствием и она ответила:

— Дима был хорошим человеком. Он мне всегда нравился.

Она произнесла это таким тоном, как будто Лунев спросил ее о чем-то слишком личном, куда ему не стоило лезть. Он заметил, как Алена опустила глаза, стараясь скрыть выступившие слезы. Переборов неловкость оттого, что доставляет ей дискомфорт, он все же решил не отступать.

— А ты не замечала, что Горелов в последнее время как-то странно себя вел? — спросил Лунев как можно мягче.

— Замечала, — кивнула Алена, на этот раз смутившись. — Дима и в самом деле в последние дни был чем-то встревожен. Но я не стала лезть ему в душу. — Она покачала головой. — Мало ли что. У каждого есть право на личную жизнь.

После этих слов у Алены между бровей появилась скорбная морщинка и девушка снова отвернулась к окну.

Лунев понял, что разговор вызвал у Алены не самые приятные эмоции, но не понимал почему. Потоптавшись немного за ее спиной, он посмотрел на ее слабое отражение в окне. У Алены было такое открытое и приятное лицо, что ей хотелось доверять. И в то же время ее хотелось опекать, как маленького ребенка. На мгновение Лунев решился рассказать ей о письме Горелова, но потом его что-то остановило. Развернувшись, он так тихо вышел из комнаты, словно боялся снова испугать Алену.

Спустя пять минут тайну ее грусти открыла уборщица Вера — крупная рыжая женщина с кожей, напоминавшей по цвету живот камбалы. На вид ей было лет сорок, но одевалась она весьма вызывающе, несмотря на свои габариты и далеко не юный возраст. Когда к ней подошел Лунев, Вера, опершись на швабру, как дачник на лопату, изучающе посмотрела на него водянистыми глазами. Услышав, в чем суть его вопроса, она очень оживилась и заговорила о Дмитрие Горелове так охотно, как никто другой. Казалось, этот разговор доставлял ей массу удовольствия.

— Дима? — Она заговорщически улыбнулась и понизила тон. — Его настроение могло зависеть только от одного человека — от нашей, хи-хи, Аленушки.

— От Алены? — Лунев не смог скрыть удивления. — Что вы имеете в виду?

Вера сморщила нос.

— Давай на «ты» и без церемоний.

— Хорошо, — кивнул Лунев.

Улыбнувшись, Вера продолжила:

— О близких отношениях Колесниковой и Горелова у нас все знают. — Вера произнесла это особым тоном превосходства, наслаждаясь тем, что теперь в их коллективе появился тот, для кого это все еще новость. — Они были соседями по дачному поселку. Как его? «Радостный»? «Счастливый»? Нет, вспомнила: «Отрадный». Ну, и закрутился, так сказать, служебный роман. Проще говоря, шуры-муры. — Она описала указательными пальцами обеих рук несколько кругов, а потом прижала их друг к другу, словно их притянуло магнитом. — Потом между нашими голубками что-то произошло, и в результате они расстались, но остались друзьями.

«Знаю я такую дружбу, — подумал Лунев. — Сам не раз дружил. Особенно с красивыми дружбу водить приятно. А главное — никакой ответственности в таких отношениях».

Но вслух он произнес совсем другое:

— Спасибо за информацию, но это уже больше, чем я хотел узнать.

— Всегда буду рада помочь! Обращайся. — Вера хихикнула и принялась елозить мокрой шваброй по полу, поглядывая на Лунева.

От ее взгляда ему стало так неловко, как будто он неожиданно оказался без штанов.

Коротко поблагодарив уборщицу, он пошел прочь. По непонятной причине его настроение резко испортилось. Вроде бы ничего не произошло, а ощущение было такое, будто он услышал об измене своей возлюбленной.

Оставалось время продолжить расспросы, но Луневу вдруг расхотелось копаться в истории Горелова. К тому же Шубская предупредила его, что в детский дом сейчас придет Ангелина Эдуардовна Мягкова, та самая владелица благотворительного фонда «Энджелс Харт».

Лунев занял свое рабочее место. Чтобы как-то отвлечься от мыслей о связи Алены с Гореловым, он пытался решить, где проведет будущий отпуск, и воображение услужливо

подбрасывало ему красочные картинки с видами джунглей и саванн, где трещали автоматные очереди, рычали бронетранспортеры, ухали мины и хрипели умирающие. Вернуться туда? Эта мысль не казалась такой уж нелепой. Внешне Лунев целиком и полностью вписался в размеренную будничную жизнь страны, но внутренне он все еще оставался боевым офицером, наемником, военным профессионалом. Смерть Горелова пробудила в Луневе прежние инстинкты. Они не позволяли полностью расслабиться, держали на взводе.

Наконец дверь распахнулась, впустив в здание — вместе с облаком пара и роем снежинок — элегантную женщину лет тридцати пяти, лицо которой до половины утопало в пушистом воротнике шикарной шубы.

«Мягкова», — подумал Лунев, которому стало неожиданно тесно в будке. Своей холодной красотой она напоминала Снежную Королеву из сказки Андерсена. Казалось, если она сейчас пристально посмотрит на Лунева, его сердце может превратиться в льдинку. Но этого не случилось, Мягкова прошла мимо — такие женщины всегда проходят мимо, не достаивая вас взглядом.

Сразу за ней проследовал крепкий мужчина в маленькой шапке, надвинутой на глазки-буравчики. Он был похож на глупого, но опасного зверька. Мужчина тащил тяжелые пакеты, которые, судя по коробкам, торчащим из них, были доверху набиты сладостями.

— Не отставай, Любимов! — прикрикнула Мягкова, не повернув головы.

«Бим», — мысленно окрестил охранника Лунев. Почему? Что это означало? Он понятия не имел, но прозвище сидело на Любимове как влитое.

— Куда это все, Ангелина Эдуардовна? — пропыхтел он, изнемогая не столько от веса своей ноши, сколько от обилия пакетов, норовящих выскользнуть из рук.